

ЕРЕТИЧКА,
СТАВШАЯ
СВЯТОЙ

ОЛЬГА ТОГОЕВА

ЕРЕТИЧКА, СТАВШАЯ СВЯТОЙ

ДВЕ ЖИЗНИ
ЖАННЫ Д'АРК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

Москва, 2026

УДК 94(44)"1412/1431":929Жанна д'Арк(44)
ББК 63.3(4Фра)42-8Жанна д'Арк
Т50

Рецензенты: П. Ю. УВАРОВ, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН,
Е. В. КАЛМЫКОВА, канд. ист. наук

Тогоева О.

Т50 Еретичка, ставшая святой: Две жизни Жанны д'Арк / Ольга Тогоева. — М. : Альпина нон-фикшн, 2026. — 632 с. + 16 с. вкл. — (Серия «Страдающее Средневековье»).

ISBN 978-5-00223-721-0

Монография посвящена одной из ключевых фигур во французской национальной истории, а также в истории западноевропейского Средневековья в целом — Жанне д'Арк. Впервые в мировой историографии речь идет об изучении становления мифа о святой Орлеанской Деве на протяжении почти пяти веков: с момента ее появления на исторической сцене в 1429 г. вплоть до рубежа XIX–XX вв. Исследование процесса превращения Жанны д'Арк в национальную святую, сочетавшего в себе ее «реальную» и мифологизированную истории, призвано раскрыть как особенности политической культуры Западной Европы конца Средневековья и Нового времени, так и становление понятия святости в XV–XIX вв.

Работа основана на большом корпусе источников: материалах судебных процессов, трактатах теологов и юристов, хрониках XV в. и исторических сочинениях XVI–XVIII вв., художественных произведениях, материалах местного почитания Жанны д'Арк в Орлеане XV–XIX вв., трудах французских историков XIX в.

УДК 94(44)"1412/1431":929Жанна д'Арк(44)
ББК 63.3(4Фра)42-8Жанна д'Арк

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-466-0
(Серия «Страдающее Средневековье»)
ISBN 978-5-00223-721-0

© Тогоева О., 2026
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

Содержание

Введение. Другая история Жанны д'Арк..... 9

Глава 1. 1429 г. Пророк в своем отечестве

1. Явление Жанны д'Арк.....19
2. Истинный или ложный пророк? 29
3. «Все в ней делает ее подозрительной...» 42
4. Чудесный «знак» Жанны д'Арк.....47
 - 4.1. *Легенда об узнавании дофина*47
 - 4.2. *Легенда о королевском секрете*..... 53
 - 4.3. *Легенда о принесении короны* 57
5. Средневековая концепция активного пророка69
6. «Было решено, что она не кто иная, как святая»..... 86

Глава 2. 1431 г. Ведьма или еретичка?

1. «Она, похоже, занимается колдовством...»90
2. «Оставившие Создателя и обратившиеся к Сатане»..... 102
 - 2.1. *Колдовство: грех и уголовное преступление* 102
 - 2.2. *Рождение «ученой» концепции колдовства*..... 113
 - 2.3. *Ведовские процессы в средневековой Франции* 125
3. Процесс против Жанны д'Арк 1431 г.: начало139
4. Inquisitio ex officio..... 145
 - 4.1. *Логика построения допросов* 145
 - 4.2. *Обвинение в колдовстве* 151
 - 4.3. *Иные преступления «против веры»*157

5. Inquisitio cum promovente	165
5.1. Семьдесят статей обвинения.....	165
5.2. Мнение «экспертов».....	172
6. «Лживая ведьма» vs «святая Дева»	180

Глава 3. 1456 г. «Практически Святая» Жанна д'Арк

1. Этапы и цели процесса по реабилитации 1455–1456 гг. ...	195
2. «Создание» святой.....	210
2.1. Отвод обвинения в занятиях колдовством.....	213
2.2. Мужской костюм как религиозный обет	222
2.3. Концепт чуда в жизнеописании Жанны д'Арк	236
3. Библейские образцы и прототипы.....	249
3.1. Богобоязненная «пастушка»	252
3.2. Вторая Дева Мария.....	259
3.3. Мученица за веру.....	271
3.4. Знаменосец Господа	278
4. «Жила справедливо и свято с Божьей помощью»	290

Глава 4. XVI–XVII вв. «Забытая» дева

1. Жанна д'Арк и Людовик XI.....	298
2. Античные образцы и прототипы.....	315
2.1. Доблестная <i>virago</i>	317
2.2. Новая Минерва.....	333
2.3. «Святая амазонка»	350
3. Жанна д'Арк и Божественное Провидение.....	354
3.1. Французские «пророки» второй половины XV в.	355
3.2. Роль пророка в истории.....	361
4. Ведьма или одержимая: актуализация темы	375
5. Жанна д'Арк между католиками и протестантами	393
6. «Католическое Возрождение» во Франции	409
6.1. Любимая героиня Ришелье	409
6.2. «Освобожденная Франция» Жана Шаплена и ее критики.....	418

Глава 5. XVIII–XIX вв. На пути к канонизации

1. Жанна д'Арк и Вольтер	424
1.1. «Философы» против провиденциалистов	425
1.2. «Орлеанская девственница» (1730–1773)	440
1.3. «Странное желание оскорбить добрые нравы...»	452
2. «Народная героиня» историков-либералов	460
2.1. Рождение «народной героини»	460
2.2. «Инструмент, которым воспользовались...»	470
2.3. «Голос сердца» или откровения Свыше?	476
2.4. Сомнительный обет девственности	478
3. Боговдохновенная Дева историков-католиков	481
3.1. Святая эпохи Реставрации	481
3.2. «Она повторяет путь Христа...»	490
4. Вечная героиня Орлеана	500
4.1. «Ведущая святую и набожную жизнь...»	500
4.2. «Праздник города»... «праздник 8 мая»... «праздник Девы»	517
4.3. Первая попытка канонизации	538
Заключение. История продолжается... ..	570
Список сокращений	582
Источники и литература	583

Введение

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ ЖАННЫ Д'АРК

Что мы знаем о Жанне д'Арк? Да практически все! Так подумает или скажет каждый из нас. В любом школьном или университетском учебнике мы прочтем, что Орлеанская Дева была истинной народной героиней, которая объединила вокруг себя французов, повела их за собой, приложила все силы для освобождения страны в ходе Столетней войны и, наконец, трагически погибла от рук англичан. Если немного расширить круг чтения, то мы, без сомнения, узнаем также, что Жанна родилась 6 января 1412 г., происходила из семьи простых крестьян и в детстве пасла общинное стадо. В 13 лет она начала слышать некие «голоса» (т. е., как ей казалось, получать Божественные откровения), а через три года сбежала из дома, дабы отправиться в Шинон к дофину Карлу, который поверил в ее избранность и поставил ее во главе своего войска. В конце апреля 1429 г. Дева прибыла в Орлеан, осажденный англичанами, и уже 8 мая заставила противника отступить от стен города. Одержав ряд выдающихся военных побед в долине Луары, она сопровождала дофина в Реймс, где 17 июля он был коронован как Карл VII. В последующие месяцы в результате ряда неудачных операций девушка утратила доверие своего короля и оказалась в Компьене, где была захвачена в плен 23 мая 1430 г. На судебном

процессе, начавшемся в феврале 1431 г. в Руане, Жанну осудили как еретичку и приговорили к смерти. Казнь состоялась 30 мая 1431 г.¹

Огромное количество сохранившихся от XV в. источников, а также поистине безбрежное море научных (и псевдонаучных) работ заставляют нас верить в то, что история Жанны д'Арк — один из наиболее известных нам средневековых сюжетов. Однако это далеко не так. В действительности личность Орлеанской Девы остается для нас абсолютной загадкой — и, возможно, останется таковой навсегда.

Данное замечание относится не только к одной из наиболее дискутируемых на протяжении веков проблеме «голосов» Жанны, их реальности и их возможного происхождения, над которой ломали головы уже ее современники². Даже известные нам сугубо биографические сведения о девушке при ближайшем рассмотрении выглядят не слишком надежными. Так, «точная» дата ее рождения оказывается указанной в одном-единственном источнике, данные которого никакими иными текстами не подтверждаются. Более того, «чудо появления» французской героини на политической сцене воссоздано здесь в полном соответствии со средневековым литературным каноном и отсылает к наиболее авторитетному для того времени образцу — рождению Иисуса Христа³. Сомнительным кажется и крестьянское происхождение Жанны: семейство д'Арк, обладатели каменного двухэтажного дома в центре их родной деревни, считалось среди местных жителей весьма зажиточным и достойным⁴. Впрочем, даже столь привычная нам фамилия французской героини, возможно, была для нее «чужой», поскольку, по ее собственным словам, в Домреми

¹ Наиболее полную и взвешенную версию жизни Жанны д'Арк см. в: *Contamine Ph., Bouzy O., Hélyary X. Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire*. P., 2012. P. 58–293. На русском языке см. прежде всего: *Райцес В. И. Процесс Жанны д'Арк*. М.; Л., 1964; *Он же. Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы*. Л., 1982.

² Подробнее см. ниже: Глава 1.

³ Подробнее см. ниже: Глава 3, § 3.4.

⁴ Об общественном и экономическом положении семейства д'Арк в Домреми см.: *Contamine Ph., Bouzy O., Hélyary X. Op. cit.* P. 65–73.

все девушки получали фамилию матери. Таким образом, прославленная дочь Жака д'Арка и его супруги Изабеллы должна была бы зваться Жанной де Вутон¹. И уж, во всяком случае, она не являлась пастушкой, хотя именно так описывали ее авторы XV в. Более внимательное знакомство с их сочинениями приводит к выводу, что делалось это отнюдь не из стремления следовать *реальным* фактам, но из желания превратить девушку в «простеца», чей разум открыт слову Божьему, а потому он может слышать откровения Свыше и действовать в соответствии с ними. Такое прочтение истории Девы основывалось исключительно на библейских примерах — историях жизни Иакова, Моисея, Давида — и было необходимо людям Средневековья, дабы осмыслить в привычных для них категориях новое, незнакомое явление, с которым они столкнулись².

Иными словами, в текстах, посвященных Жанне д'Арк, главной, как представляется, оказывалась не столько историческая, сколько *символическая* реальность, значительно более важная для создания образа идеальной героини Франции. Сложность и парадоксальность ее эпопеи, собственно, и заключаются в необходимости постоянно помнить об этой двойственности, осознавать тот факт, что процесс *мифологизации* ее личности начался еще в XV в. и продолжается до сих пор. Как следствие, на протяжении веков существовали *разные* Жанны д'Арк — реальная девушка и ее выдуманный образ, постоянно изменявшийся под влиянием политических, религиозных, правовых, а также общих мировоззренческих установок периода Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Одному из вариантов подобной мифологизации — возможно, самому интересному и важному из всех возможных — и посвящена данная книга. Речь в ней пойдет не о событиях жизни Орлеанской Девы, но о ее постепенном *превращении в святую* — официально канонизированную католической церковью и почитаемую как покровительница Франции. Это будет *другая* история Жанны д'Арк — история создания и развенчания легенд, сознательной

¹ Contamine Ph., Bouzy O., Helary X. Op. cit. P. 61–63.

² Подробнее см. ниже: Глава 3, § 3.1.

(или неосознанной) подтасовки фактов и редактуры текстов, борьбы литературных амбиций и яростных споров по самым важным проблемам той или иной эпохи...

Изучение процесса «рождения» нового святого — задача увлекательная, но вместе с тем исключительно сложная. В подобном исследовании интерес вызывает прежде всего возможность понять многие особенности мировосприятия людей прошлого: их систему ценностей, социальные, религиозные и политические симпатии. Сложность же такой работы заключается в том, что процесс «превращения» обычного человека в святого всегда предполагает создание определенной легенды, составные части которой заранее известны его непосредственным участникам, однако далеко не всегда соответствуют реальным событиям прошлого. Прежде всего они, безусловно, отражают особенности религиозности как современников предполагаемого святого, так и их потомков. Вместе с тем элементы подобной легенды на том или ином этапе ее развития могут не совпадать с нормами канонического права, являющимися основой любой официальной канонизации, вследствие чего возникает необходимость их ревизии и адаптации. Причины такого несовпадения чаще всего кроются в политической истории того региона, в границах которого начинает складываться культ святого, в особенностях политической культуры общества, претерпевающей большие или меньшие изменения на протяжении столетий и активно влияющей в том числе и на представления о святости. В редчайших случаях от начала почитания потенциального святого до момента его официального признания Церковью проходит всего несколько лет или десятилетий, значительно чаще это событие откладывается на века.

Именно такую ситуацию мы наблюдаем в случае с канонизацией Жанны д'Арк, личность которой и связанные с ее появлением на политической сцене события по праву считаются одним из главных «мест памяти» не только французской, но и общеевропейской истории¹. Значение ее феномена не меняется от того,

¹ Не случайно статья о Жанне д'Арк была включена в знаменитое издание «Места памяти», вышедшее на протяжении 1984–1992 гг. под редакцией Пьера Нора:

идет ли речь о *деконструкции* уже сложившегося национального мифа или об уточнении элементов, *составляющих* национальную идентичность современных французов¹. И в том и в другом случае остается совершенно очевидным, что фигура Орлеанской Девы — плоть от плоти прошлого Франции, ее политической истории — не только средневекового, но и значительно более позднего периода, когда память о ней служила интересам самых различных, порой диаметрально расходящихся во взглядах группировок².

Вместе с тем, и это обстоятельство ни в коем случае не следует сбрасывать со счетов, для нас, людей XXI в., Жанна д'Арк является святой, в 1894 г. признанной Ватиканом Достопочтенной, в 1909 г. ставшей Блаженной, а в 1920 г. канонизированной официально. Таким образом, политическое прочтение ее образа на протяжении по крайней мере двух последних столетий пребывает в неразрывной связи с его сугубо религиозным восприятием. Именно так феномен Девы традиционно интерпретируется в научном сообществе, для представителей которого она остается прежде всего «святой конца XIX века»³.

Ни в коем случае не пытаюсь опровергнуть данное заключение, замечу, что само явление святости тем не менее принадлежит к категориям большой длительности (*la longue durée*): оно относится к разряду понятий, существующих на протяжении всего развития культуры, то становясь ее центром, то оказываясь в маргинальном положении. Иными словами, исследование процесса «превращения» того или иного конкретного персонажа прошлого в святого предполагает не только утверждение существования некоего исторического явления, не только описание событийной стороны дела, но в первую очередь попытку его рассмотрения

Winock M. Jeanne d'Arc // Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora. III: Les France. T. 3: De l'archive à l'emblème. P., 1992. P. 675–733.

¹ Уваров П. Ю. История, историки и историческая память во Франции // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 206–208.

² Подробнее см.: Тогоева О. И. «Дева со знаменем». История Франции XV–XXI веков в портретах Жанны д'Арк. М., 2023. С. 248–275, 300–331, 362–387.

³ Winock M. Op. cit. P. 676; Dalaran J. Le troisième procès de Jeanne d'Arc // Images de Jeanne d'Arc / Sous la dir. de J. Maurice et D. Couty. P., 2000. P. 53–65.

в динамике — в развитии, которое совсем не обязательно при этом окажется поступательным.

Именно такой подход к изучению формирования образа святой Жанны д'Арк представляется мне наиболее актуальным. Прежде всего потому, что Орлеанская Дева была и остается *единственной* католической святой, осужденной церковным судом за ересь в 1431 г., реабилитированной в 1456 г. и официально канонизированной в начале XX в. Один этот факт уже вызывает исследовательский интерес и заставляет задуматься о том, что обстоятельства складывания ее культа были в высшей степени неординарными, если не уникальными. Не менее важным является и то, что XVI–XVIII века традиционно считаются в историографии периодом практически полного забвения Орлеанской Девы¹. Рассмотрение ее истории через понятие святости позволит, с моей точки зрения, существенно расширить наши представления об особенностях восприятия Жанны д'Арк во Франции на протяжении XV–XIX вв. Оно также позволит совместить в рамках одного исследования историю сложных связей и взаимодействия религиозных и политических идей, оказывавших влияние на понимание святости в Западной Европе эпохи Средневековья и Нового времени.

Подобная постановка проблемы, впрочем, представляется мне актуальной не только в связи с современным состоянием дел в изучении эпопеи Жанны д'Арк (*études johanniques*). Так называемые агиографические исследования (т. е. исследования феномена святости и культов святых), имеющие давние традиции в зарубежной историографии, в последние десятилетия вышли на совершенно новый уровень. От в достаточной мере формальных описаний событийной стороны процесса (выяснения географических и временных условий бытования культов, создания биографий отдельных святых и публикации их житий или откровений) историки постепенно перешли к использованию данного

¹ Winock M. Op. cit. P. 680. Данная точка зрения была оспорена только в XXI в.: Bouzy O. Manuscrits inutiles et auteurs inconnus: la transmission du souvenir de Jeanne d'Arc du XVe au XVIIIe siècle // BA. 2002. № 26. P. 23–58; *Idem*. Le souvenir des procès dans l'historiographie de Jeanne d'Arc // De l'hérétique à la sainte. Les procès de Jeanne d'Arc revisités / Éd. par F. Neveux. Caen, 2012. P. 235–247.

материала в историко-культурных, историко-социальных и историко-правовых работах, пытаюсь через анализ представлений о святости оценить особенности ценностных (религиозных, политических и правовых) ориентиров в жизни людей той или иной конкретной эпохи. Что же касается отечественной науки, то здесь подобные исследования, долгое время остававшиеся практически под запретом, переживают в последние десятилетия очевидный подъем, связанный не в последнюю очередь с изменением в отношении к религии и церкви в России, со все возрастающим влиянием этих последних на нашу повседневную жизнь, но вместе с тем с возникновением новых или ревизией старых мифов о национальных святых и их роли в русской истории¹.

Столетия, миновавшие со смерти Жанны д'Арк в 1431 г. до ее официальной канонизации в 1920 г., уже сами по себе наводят на предположение о том, что процесс создания ее образа святой и сопутствующий ему процесс мифологизации ее личности и деяний, нашедшие отражение в многочисленных источниках (будь то судебные документы, хронистика, исторические сочинения или художественная литература), заняли весьма продолжительный отрезок времени. Таким образом, главной целью моего исследования стало выделение и изучение всех возможных составляющих мифа о святой героине Франции, возникавших на протяжении всего этого периода, находившихся в сложных взаимоотношениях и испытывавших на себе влияние различных политических процессов и политической культуры французского общества в целом.

И все же основное внимание я уделила XV веку — времени, когда создавались главные источники по истории Жанны д'Арк,

¹ Классическим примером такого рода мифов являются легенды о св. Александре Невском, ставшем для многих наших соотечественников, как и Жанна д'Арк для французов, своеобразным «местом памяти»: Данилевский И. Н. Историческая текстология. М., 2018. С. 417–446. Весьма интересным в связи с этим представляется мнение современных французских историков о том, что своей популярностью в СССР Орлеанская Дева была обязана тому обстоятельству, что в ней видели «женскую ипостась» Александра Невского: Bouzy O. Du bon usage politique de la Pucelle et ses conséquences: le cardinal de Richelieu contre les Huguenots // ВА. 2000. № 24. P. 63–86.

ставшие основой для изучения ее феномена в последующие столетия. Рассмотрению проблемы восприятия «пастушки из Домреми» ее современниками посвящены первые три главы этой книги. В них речь пойдет не только о событийной стороне дела (первом свидании девушки с дофином Карлом весной 1429 г. в Шиноне, ее удачных и неудачных военных операциях, ее осуждении как еретички и вероотступницы и последующей реабилитации). Мы поговорим и о весьма специфическом политическом и религиозном климате, сделавшем возможным само появление Орлеанской Девы на исторической сцене: об особенностях развития женского профетизма в Западной Европе XIV–XV вв.; о существовавших в то время во Французском королевстве и обусловленных тяготами Столетней войны надеждах на пришествие нового спасителя; о концепции самопровозглашенных пророков в трудах средневековых теологов и об использовании разработанной ими доктрины *discretio spirituum*, направленной на различение истинных и ложных пророков, применительно к «казусу» Жанны д'Арк. Именно в рамках *discretio spirituum* мы попытаемся оценить правовые аспекты процесса 1431 г. и выдвинутые на нем против Девы обвинения в колдовстве и ереси, представлявшие в XV в. «обратную сторону» отличительных качеств истинного святого. С тех же позиций мы проанализируем и особенности конструирования свидетельских показаний на процессе по реабилитации Жанны, проведенном в 1455–1456 гг., а также основные темы, затронутые в созданных специально для данных слушаний трактатах французских теологов.

Только детальный анализ всех этих сюжетов позволит нам перейти к следующему этапу — к изучению особенностей трактовки образа Жанны д'Арк в текстах раннего Нового времени, появившихся под влиянием принципов гуманистического историописания XVI в., «теологического поворота» во французской исторической науке второй половины XVI в. и «католического Возрождения» начала XVII в. Мы попробуем понять, каким образом в современной историографии возникла идея о полном забвении Орлеанской Девы во Франции того времени, и разобраться, имеет ли подобная гипотеза право на существование. Что нового

привнесла в образ Жанны любовь авторов XVI–XVII вв. к античным героям? Как отразилось на нем длительное противостояние европейских католиков и протестантов? Какое влияние оказали на его прочтение зарождение абсолютизма и склонность французских историков к провиденциализму? Какую роль в новом понимании политической деятельности Жанны сыграли Людовик XI и кардинал Ришелье? На все эти вопросы я попытаюсь ответить в четвертой главе книги.

Наконец, пятая глава будет посвящена самому любопытному этапу в истории формирования образа святой Девы — XVIII и XIX векам. Мы поговорим здесь об эпохе Просвещения и о Революции 1789 г. О Вольтере и о том влиянии, которое его исторические и художественные произведения оказали на восприятие его современниками эпохи Средневековья. О противостоянии представителей республиканского, либерального и католического направлений французской историографии, находившем, в частности, отражение в трактовке личности и деяний Жанны д'Арк. О совершенно особой роли, которую сыграли в утверждении ее культа католические круги Орлеана — города, где начиная с XV в. никогда не забывали о Деве. Историю формирования этого специфического «места памяти» мы проследим через все произведения, созданные о нашей героине орлеанскими авторами: от самых ранних хроник XV в., через исторические и художественные сочинения XVI–XVII вв., через целый корпус панегириков, произносившихся в ее честь в соборе Св. Креста в XV–XIX вв., до материалов ординарного процесса по ее канонизации 1874–1875 гг., инициированного монсеньором Феликсом Дюпанлу, епископом Орлеана.

Рассказом о первой попытке *официального* признания святости Жанны д'Арк я и завершу свое повествование. Последующие события — борьба за право считать Орлеанскую Деву «своей», развернувшаяся между республиканцами и католиками в конце XIX — начале XX в. в Парламенте и Парижском университете, дебаты вокруг дела Дрейфуса и еврейского вопроса во Франции и связанная с ними актуализация сугубо источниковедческих штудий, касающихся истории Жанны д'Арк, превращение культа Девы

в общенациональный в ходе Первой мировой войны и последовавшая за ним канонизация французской героини Ватиканом — останутся за рамками данной работы¹. Прежде всего потому, что все эти вопросы уже не относятся к главной теме моего исследования, посвященного особенностям *формирования* представлений о святой Жанне д'Арк. На мой взгляд, данная точка зрения являлась уже практически общепринятой во французском обществе к тому моменту, когда Орлеанский епископат начал кампанию по канонизации Жанны. Не случайно именно на том основании, что культ Девы *уже* существует, первая попытка официального признания ее святости была прервана Ватиканом.

Вот почему хронологические рамки моего исследования охватывают период с 1429 г., когда Жанна впервые появилась на исторической сцене, до рубежа XIX–XX вв. Именно к этому моменту, насколько можно судить, уже произошли все основные изменения в восприятии французской героини ее соотечественниками и процесс оформления ее святого образа оказался практически завершен. Вне всякого сомнения, это не означает, что фигура Орлеанской Девы не подвергалась более никаким ревизиям на протяжении XX и XXI вв. Напротив, перед историками здесь открывается огромное поле исследований в области правовой и политической теологии и имагологии, новейших символики и метафоры, очень часто по-прежнему использующих хорошо известные средневековые образы и образцы. Однако это уже совсем иная история Жанны д'Арк, над которой я позволила себе лишь приподнять завесу.

¹ См. подробнее: *Krumeich G.* Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P., 1993. P. 177–263; *Renoux C.* Faut-il canoniser Jeanne d'Arc? Les chemins de la béatification de la Pucelle d'Orléans (1429–1869) // Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais. 2011. № 165. P. 5–65.

Глава I

1429 г.

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

I. ЯВЛЕНИЕ ЖАННЫ Д'АРК

При всем многообразии существующих на сегодняшний день исследований, посвященных деяниям Жанны д'Арк, точная дата ее появления на исторической сцене остается по-прежнему неизвестной¹. С уверенностью, однако, можно говорить о том, что весна 1429 г., когда во Франции и за ее пределами начали

¹ Согласно канонической версии событий, первая встреча Жанны д'Арк с дофином Карлом в Шиноне произошла в самом конце февраля или в первых числах марта 1429 г. Однако в современной историографии эти даты регулярно подвергаются пересмотру, несмотря на то что, по справедливому замечанию В. И. Райцеса, данная информация «для истории особого значения не имеет». Обзор существующих гипотез см. в: *Bouzy O. Jeanne d'Arc, les signes au roi et les entrevues de Chinon // Guerre, pouvoir et noblesse au Moyen Âge. Mélanges en l'honneur de Philippe Contamine. P., 2000. P. 131–138; Райцес В. И. «Свидание в Шиноне». Опыт реконструкции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2003 / Под ред. М. А. Бойцова и И. Н. Данилевского. Вып. 5. М., 2003. С. 42–59; Тогоева О. И. Событие и его интерпретации: «свидание в Шиноне» // Диалог со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 467–494.*

распространяться самые первые известия о странной девушке, прибывшей из Лотарингии и объявившей себя спасительницей королевства, стала для французов одним из самых тяжелых этапов войны, названной впоследствии Столетней¹.

Как известно, военное противостояние Англии и Франции начиналось как сугубо династический конфликт. После кончины в 1314 г. Филиппа IV Красивого (1285–1314) и смерти троих его сыновей — Людовика X Сварливого (1314–1316), Филиппа V Длинного (1317–1322) и Карла IV Красивого (1322–1328) — династия Капетингов, правившая Французским королевством на протяжении трех с лишним столетий, прервалась. Право занять пустующий престол оспаривали два претендента: английский король Эдуард III (1327–1377), внук Филиппа Красивого, сын принцессы Изабеллы, и граф Филипп Валуа, приходившийся Филиппу Красивому племянником. Именно его французские бароны сочли наиболее подходящим кандидатом, и в апреле 1328 г. он был избран королем под именем Филиппа VI (1328–1350). Эдуард III, казалось бы, примирился с таким поворотом событий и даже принес своему новому сеньору вассальную присягу за английские владения на континенте — герцогство Гиень и графство Понтье. Однако осенью 1337 г. он вновь предъявил права на корону предков, и английские войска вторглись во Францию. Так началась война, длившаяся с перерывами вплоть до 1453 г.

Столетняя война, в отличие от войн современности, не велась одновременно на нескольких фронтах и представляла собой скорее череду крупных самостоятельных операций, отстоявших друг от друга во времени. На первом ее этапе инициативу захватили англичане: в 1346 г. при Креси и в 1356 г. при Пуатье они нанесли сильнейшие поражения своим противникам. В следующее десятилетие, однако, удача оказалась на стороне французов, которые не только вытеснили врага с оккупированных территорий, но и добились длительного перемирия. Оно оказалось нарушено лишь Генрихом V Ланкастером (1413–1422): в ночь на 13 августа 1415 г.

¹ Подробный анализ истоков и основных этапов Столетней войны см. в: *Басовская Н. И.* Столетняя война: леопард против лилии. М., 2001.

во главе двенадцатитысячного войска он высадился в устье Сены и 25 октября того же года разгромил французов при Азенкуре.

Успеху англичан на этом этапе войны способствовали и внутренние проблемы Французского королевства. Политические партии при дворе безумного Карла VI (1380–1422), так называемые бургиньоны и арманьяки, никак не могли поделить сферы влияния¹. В 1418 г. герцог Бургундский захватил Париж и начал править от имени короля в качестве регента. Его убийство в 1419 г. подтолкнуло партию бургиньонов к политическому союзу с англичанами, результатом которого стал заключенный в мае 1420 г. в Труа договор: по нему французский дофин Карл объявлялся виновным в смерти герцога и лишался права претендовать на престол. Наследником официально был объявлен английский король Генрих V, получивший в жены Екатерину, дочь Карла VI².

Для Франции договор в Труа означал потерю не только независимости, но и территориальной целостности: англичанам отходила Нормандия и крупные порты на Атлантике — Бордо и Байонна; герцог Бургундский претендовал на восточные провинции страны — Пикардию и Шампань. Дофин Карл, принявший после смерти отца в 1422 г. королевский титул, занял области к югу от Луары, вдоль которой располагался ряд укрепленных городов и замков, преграждавших путь английским войскам. Ключевую позицию среди них занимал Орлеан, контролирующий дороги, которые связывали Северную Францию с Пуату и Гиенью, однако к весне 1429 г. он уже около полугода находился в осаде, начавшейся 12 октября 1428 г. Англичане окружили город практически со всех сторон, лишив его связи с неоккупированной территорией. Взятие Орлеана означало бы фактически полное поражение Франции, поскольку южнее у королевских войск не имелось крепостей, способных остановить натиск противника³. Как писал

¹ Подробнее см.: *Guenée B.* La folie de Charles VI, roi Bien-Aimé. P., 2004; *Blanchard J.* Armagnacs et Bourguignons. La fabrique de la guerre civile, 1407–1435. P., 2024.

² *DeVries K.* Joan of Arc. A Military Leader. Bath, 1999. P. 8–30; *Guenée B.* Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P., 1992. P. 265–289.

³ *DeVries K.* Op. cit. P. 57–68.

впоследствии один из ближайших советников дофина Карла, архиепископ Амбрана Жак Желю, положение дел стало настолько тяжелым, что «не было никакой надежды на то, что господин король сможет отвоевать свои земли при помощи людей. Силы его врагов и их приспешников росли по мере того, как силы его сторонников уменьшались»¹.

Именно в этот критический момент ко двору Карла, который с 1427 г. располагался в Шиноне, прибыла Жанна д'Арк. Согласно ее собственным показаниям на обвинительном процессе 1431 г., девушка, очевидно, рассчитывала немедленно увидеться с дофином и добиться от него поддержки в деле спасения Франции: недаром она заранее предупредила его о своем появлении и намекала на «помощь» (*auxilium*) и «добрые известия» (*quodque sciebat multa bona pro eo*), которые ему везет². Однако в действительности встреча с Карлом произошла далеко не сразу, и тому было несколько причин.

Одна из них крылась в характере самого дофина — человека недоверчивого, осторожного, весьма взвешенно принимавшего любые политические решения и предпочитавшего во всем опираться на своих ближайших советников: духовника Жерара Маше, великого камергера Жоржа де ла Тремуя, архиепископа Реймса и канцлера Франции Реньо Шартрского, члена королевского совета Робера Ле Масона и капитана Шинона, а впоследствии бальи

¹ *Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi dissertatio // Lanery d'Arc P. Mémoires et consultations en faveur de Jeanne d'Arc. P., 1889. P. 571.* О том, что, захватив Орлеан, англичане легко станут хозяевами Франции (*signory de Franza*) и отправят дофина в богадельню (*a l'ospedal*), писал из Брюгге в мае 1429 г. итальянский купец Панкратио Джустиниани: *Chronique d'Antonio Morosini. Extraits relatifs à l'histoire de France / Éd. par G. Lefèvre-Pontalis, L. Dorez. P., 1901. Т. 3 (1429–1433). P. 16–17.*

² На процессе 1431 г. Жанна говорила, что отправила Карлу в Шинон письмо (*misit licteras*), находясь еще в Сент-Катрин-де-Фьербуа: РС, 1, 76. Следует, однако, отметить, что в черновиках допросов (так называемой французской «минуте») этот пассаж отсутствовал. Подробнее о соотношении официального (латинского) и черного (старофранцузского) текстов допросов Жанны д'Арк см. ниже: Глава 2, § 4.1.

Орлеана Рауля де Гокура¹. Именно с этими людьми предстояло встретиться Жанне д'Арк в первую очередь. Именно они должны были решить, стоит ли доверять странной молодой девушке, убеждавшей всех в том, что она посланница самого Господа.

Впрочем, Жанна была далеко не первой визионеркой, которая пыталась добиться внимания властей. На вторую половину XIV — первую половину XV в. в Западной Европе пришелся подлинный расцвет «светской» религиозности и, в частности, женского профетизма. Первой в ряду наиболее известных средневековых женщин-мистиков стала св. Хильдегарда Бингенская (1098–1179), прославившаяся своими предсказаниями и отправлявшая многочисленные послания как светским, так и церковным правителям, желая предупредить их о грядущих переменах и пригрозить страшными карами, если они не подчинятся Божьей воле и не станут заботиться о процветании Церкви и своих подданных. Именно Хильдегарда явилась предтечей самых известных провидиц XIV в. — Бригитты Шведской († 1373) и Екатерины Сиенской († 1380), с именами которых обычно связывают начало настоящего «нашествия» женщин-мистиков в странах Западной Европы, вызванного в первую очередь Великой схизмой. Следствием постоянных конфликтов, сотрясавших в то время Церковь, стало всеобщее представление о коррумпированности представителей власти, об их повсеместном впадении в грех. Требовалось, таким образом, искать новые, отличные от привычных пути спасения. Только в такой ситуации женщины, доселе занимавшие в религиозной и политической жизни общества подчиненное положение, могли обрести право голоса и превратиться в носителей Божественных откровений².

¹ О характере Карла VII и его отношениях с ближайшим окружением см.: *Vallet de Viriville A.* Histoire de Charles VII roi de France et de son époque, 1403–1461. P., 1863. Т. 2. P. 56; *Gaussin P.-R.* Les conseillers de Charles VII (1418–1461). Essai de politologie historique // Francia. Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte. 1982. Bd. 10. S. 67–130.

² *Vaucher A.* La sainteté mystique en Occident au temps des papes d'Avignon et du Grand Schisme // Vaucher A. Les laïcs au Moyen Âge. Pratiques et expériences religieuses. P., 1987. P. 251–257; *McNamara J. A.* The Rhetoric of Orthodoxy: Clerical

Как отмечал Андре Воше, мистические способности, как правило, обнаруживались у самых обычных верующих — простолюдинок, отличавшихся, однако, особой набожностью. В результате откровения Свыше такая особа в какой-то момент понимала, что избрана Господом, дабы нести Его слово людям. Ее и впоследствии могли посещать видения и откровения, а полученную таким образом информацию женщина-мистик стремилась сообщить (чаще всего — в форме писем) церковным иерархам и/или светским сеньорам, чьей основной задачей и являлось спасение христиан¹.

Во Франции женский мистицизм получил не меньшее распространение, чем, например, в Италии. Местные провидицы — Констанция из Рабастана, Жанна-Мария де Майе, Мария Авиньонская (Мария Робин) — точно так же интересовались положением дел в Церкви и предлагали свои пути выхода из кризиса. Роль светских правителей (как местных сеньоров, так и самого короля) виделась им в помощи европейским прелатам в выборе достойного наследника св. Петра, а также в организации нового крестового похода, в результате которого христианская вера должна была особенно укрепиться². При этом визионерки часто не ограничивались одними лишь письмами³ и пытались лично встретиться с тем или иным правителем, дабы донести до него суть полученных

Authority and Female Innovation in the Struggle with Heresy // *Maps of Flesh and Light: The Religious Experience of Medieval Women Mystics* / Ed. by U. Wiethaus. Syracuse; N.Y., 1993. P. 9–27; *Blumenfeld-Kosinski R. Poets, Saints, and Visionaries of the Great Schism, 1378–1417*. University Park, 2006.

¹ *Vaucher A. Jeanne d'Arc et le prophétisme féminin des XIVe et XVe siècles // Jeanne d'Arc, une époque, un rayonnement*. P., 1982. P. 159–168.

² *Idem. Prophétesses, visionnaires et mystiques dans l'Occident médiéval // Vaucher A. Les laïcs au Moyen Âge*. P. 239–249.

³ Из всех известных нам французских женщин-мистиков XIV–XV вв. наиболее активную переписку с представителями власти вела Констанция из Рабастана: *Pagès A., Valois N. Les révélations de Constance de Rabastens et le schisme d'Occident (1384–1386) // Annales du Midi*. 1896. № 8. P. 241–278; *Tanz S., Werner E. Spätmittelalterliche Laienmentalitäten im Spiegel von Visionen, Offenbarungen und Prophezeiungen*. Frankfurt am Main, 1993. S. 179–191; *Blumenfeld-Kosinski R. Op. cit.* P. 61–75.

откровений. Так, Екатерина Сиенская последовательно добивалась аудиенций у пап Григория IX и Урбана VI, желая примирить их с Флоренцией, а Жанна-Мария де Майе дважды виделась с Карлом VI и его супругой Изабеллой Баварской, которую всячески порицала за роскошь и разврат, царившие при ее дворе¹.

У всех этих женщин действительно было много общего с Жанной д'Арк, начиная со скромного происхождения и заканчивая желанием посетить французского монарха и лично поведать ему о своих видениях². Именно так полагала Марина Уорнер, писавшая, что советники дофина Карла допустили девушку ко двору как раз потому, что приняли ее за одну из хорошо знакомых им провидиц³. Это утверждение, однако, нуждается в уточнении, поскольку мы знаем, что европейские монархи далеко не всегда принимали у себя даже хорошо известных женщин-мистиков. Так случилось, к примеру, с Марией Авиньонской, чудесное исцеление которой на могиле кардинала Пьера Люксембургского и последовавшая затем целая серия откровений активно обсуждались в 1380–1390-х гг. не только при дворе Климента VII и во всей папской столице, но и в Северной Франции. Тем не менее желанию Марии лично увидеться с Карлом VI, которого она собиралась убедить в необходимости организовать новый крестовый поход, не суждено было осуществиться:

¹ *Vaucher A.* Une "sainte femme" du Val-de-Loire à l'époque de la guerre de Cent ans: Jeanne-Marie de Maillé (1331–1414) // *Vaucher A.* Les laïcs au Moyen Âge. P. 225–236; *Griguer Th.* La vie et le procès de canonization de J.-M. de Maillé // *Annales de Bretagne et de pays de l'Ouest.* 1984. № 91. P. 27–37.

² Андре Воше называл Жанну д'Арк *типичной* представительницей средневекового женского мистицизма: *Vaucher A.* Jeanne d'Arc et le prophétisme féminin. P. 159.

³ *Warner M.* Joan of Arc. The Image of Female Heroism. L., 2000 ('1981). P. 79, 85, 89. В современной историографии эта гипотеза является одной из основных: *Vaucher A.* La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Âge d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Rome, 1988. P. 441, 445, 629; *Contamine Ph.* Jeanne d'Arc et la prophétie // *Les textes prophétiques et la prophétie en Occident (XIIe–XVIe siècles).* Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Âge. 1990. Т. 102 (2). P. 677–685; *Beaune C.* Jeanne d'Arc. P., 2004. P. 86; *Eadem.* Une prophétesse aux côtés du roi // *Histoire du Christianisme.* 2008. № 43. P. 36–39.

до короля ее не допустили¹. Что же касается Жанны д'Арк, то на момент своего появления в Шиноне она не обладала никакой известностью, что делает гипотезу М. Уорнер не слишком убедительной.

Пытаясь разрешить данную проблему и дать собственный ответ на вопрос, каким образом девушку все же приняли при дворе, Жак Поль предположил, что решающую роль сыграли здесь старинные пророчества, о которых прекрасно знали советники дофина Карла и в которых говорилось о пришествии некоей Девы, способной спасти Францию². Действительно, если верить дошедшим до нас документам, весной 1429 г. при королевском дворе обсуждалось несколько таких предсказаний и их возможная связь с появлением Жанны д'Арк. Об одном из них, так называемом пророчестве Мерлина, она сама вспоминала в ходе процесса 1431 г.: «Когда она пришла к королю, некоторые [люди] спрашивали ее, есть ли в окрестностях ее деревни лес, называемый Дубрава (*le Bois chesnu*). Ибо существовали пророчества, в которых говорилось о том, что из Дубравы явится некая дева, которая совершит чудеса (*quedam puella que faceret mirabilia*). Но сама она в них не верила»³. То же самое пророчество, очевидно, имел в виду духовник дофина Жерар Маше, чей разговор с теологами, допрашивавшими Жанну в Пуатье, слышал и пересказал в 1456 г. на процессе по реабилитации экуйе Гобер Тибо: «Он читал в книгах, что должна появиться некая Дева (*quedam Puella*), которая придет на помощь французскому королю»⁴. Не менее интересным и логично развивающим

¹ Valois N. Jeanne d'Arc et la prophétie de Marie Robine // Mélanges Paul Fabre. Études d'histoire du Moyen Âge. Genève, 1972. P. 452–467.

² Paul J. Le prophétisme autour de Jeanne d'Arc et de sa mission // Il profetismo gioachimita tra Quattrocento e Cinquecento / A cura di G. L. Potestà. Roma, 1991. P. 157–182.

³ РС, I, 67. Та же информация содержится и во французской «минуте»: МФ, 109.

⁴ РН, I, 369. О пророчестве Мерлина (*professio Merlini*), вычитанном «в какой-то старинной книге» (*in quodam libro antiquo*), вспоминал на процессе по реабилитации Жанны в 1456 г. и доктор теологии Пьер Миге: РН, I, 415. Граф Дюнуа также знал это пророчество и уточнял в своих показаниях, что некая Дева (*una Puella*) должна была явиться «на спинах лучников и [пойти] против них», т. е. против английских солдат (*equitaret super dorsum arcitenentium, et contra ipsos*): РН, I, 325.

идею о пришествии спасительницы оказывалось и пророчество Марии Авиньонской, в одном из своих откровений якобы видевшей в небе оружие и доспехи, предназначавшиеся Деве, которая явится вслед за ней и освободит Францию от врагов (*regnum Francie ab inimicis liberaret*). Об этом предсказании, согласно сообщению королевского адвоката Жана Барбена в том же 1456 году, упоминал профессор теологии Жан Эро, принимавший участие в допросах Жанны весной 1429 г.¹ Несколько иную версию предлагали в своих показаниях на процессе по реабилитации Дюран Лаксар, дядя девушки, и Катерина Ле Ройе, у которой та жила в Вокулёре. Оба они утверждали, что пророчество о Франции, которую погубит женщина, но спасет дева (*per mulierem desolaretur et postea per virginem restaurari debebat*), пересказала им сама Жанна еще до встречи с дофином².

Именно на эти свидетельства опирался Ж. Поль, утверждавший, что еще до прибытия Жанны д'Арк в Шинон там уже знали о ее возможном появлении и ждали его. Девушке, которой также были известны — хотя бы частично — данные пророчества, оставалось лишь подстроиться под всеобщие ожидания³. На такую возможность указывал и Оливье Бузи, допускавший, правда, что могла существовать и обратная зависимость: старинные пророчества оказались отредактированы и «подогнаны» под историю Жанны д'Арк уже после ее появления на исторической сцене⁴.

Как мне представляется, подобная трактовка событий вызывает определенные сомнения, в первую очередь текстологического характера. Все упомянутые выше пророчества изначально никак не были связаны ни с конкретной военно-политической ситуацией, в которой оказалось королевство весной 1429 г., ни даже

¹ PN, I, 375.

² PN, I, 296, 298.

³ Paul J. Op. cit. P. 179.

⁴ Bouzy O. Prédiction et récupération, les prophéties autour de Jeanne d'Arc dans les premiers mois de l'année 1429 // BA. 1990. № 14. P. 46–47. Того же мнения придерживалась и Колетт Бон: Beaune C. Prophétie et propagande: le sacre de Charles VII // Idéologie et propagande en France / Sous la dir. de M. Jardeni. P., 1987. P. 63–73.

собственно с Францией. К примеру, так называемое пророчество Мерлина о пришествии девы представляло собой измененную цитату из «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского и в аллегорической форме свидетельствовало о неминуемом реванше бриттов над англами¹. Пророчество о Франции, погубленной женщиной, но спасенной девой, в своем изначальном виде подразумевало Царствие Небесное и роль грешницы Евы и праведницы Марии в его судьбе². Что же касается пророчества Марии Авиньонской, то в единственном сборнике ее откровений, дошедшем до наших дней, в принципе отсутствует пассаж об оружии, увиденном в небе³. Нет никаких упоминаний о нем и в других источниках XIV–XV вв.⁴ Следует также отметить, что большая часть имеющихся у нас свидетельств о существовании весной 1429 г. пророчеств, касавшихся пришествия Девы, возникла значительно позднее. Показания очевидцев и современников деяний Жанны д'Арк на процессе по ее реабилитации в 1456 г., во-первых, являлись ретроспекцией событий, а во-вторых, были записаны и отредактированы в соответствии с совершенно конкретной целью — представить личность Девы в самом выигрышном свете. Таким образом, «воспоминания» о якобы предсказывавших ее появление текстах могли быть обычным вымыслом⁵.

Впрочем, даже если довериться этим рассказам, нельзя не обратить внимание на тот факт, что о пророчествах речь зашла, только когда члены королевского совета, представители парламента и университетские теологи приступили к допросам Жанны

¹ *Daniel C.* Les prophéties de Merlin et la culture politique (XIIe–XVIe siècles). Turnhout, 2006. P. 229–261.

² *Bouzy O.* Jeanne ange, prophétesse, bergère ou pucelle? // Religions et histoire. 2009. № 25. P. 16.

³ *Tobin M.* Le «Livres de révélation» de Marie Robine († 1399). Étude et édition // Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Âge, Temps Modernes. 1986. T. 98 (1). P. 229–264.

⁴ *Idem.* Une collection de textes prophétiques du XVe siècle: le manuscrit 520 de la Bibliothèque Municipale de Tours // Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Âge. 1990. T. 102 (2). P. 417–423.

⁵ Об особенностях сбора и записи показаний свидетелей в 1455–1456 гг. см. ниже: Глава 3, § 1–2.

в Пуатье, т. е. после ее первой встречи с дофином, состоявшейся в Шиноне¹. Вопрос, *зачем* понадобилось подобное трехнедельное расследование, если девушку на самом деле ждали, надеялись на ее появление и изначально верили в ее исключительные способности, исследователи оставляют без внимания. Я полагаю, однако, что решение именно этой проблемы способно радикально изменить наши представления об особенностях восприятия Жанны д'Арк ее современниками как в самом начале ее политической карьеры, так и значительно позднее.

2. ИСТИННЫЙ ИЛИ ЛОЖНЫЙ ПРОРОК?

Безусловно, военная и политическая ситуация весной 1429 г. заставляла дофина Карла и его приближенных искать любые пути выхода из кризиса. Однако в данном случае перед ними находилась молодая, никому не знакомая особа, совершенно уверенная в том, что является посланницей Господа, и пытавшаяся убедить в том же окружавших ее людей. Об этом стремлении Жанны говорили все без исключения очевидцы событий, дававшие показания на процессе по ее реабилитации. По свидетельству Бертрана де Пуланжи, о своей миссии девушка впервые сообщила еще Роберу де Бодрикуру, капитану Вокулёра, который в конце концов снабдил ее всем необходимым для путешествия в Шинон и дал провожатых, которых Жанна также постоянно убеждала в собственной избранности². Жан де Нуйомпон так передавал в 1456 г. ее слова: «Никто в мире, ни короли, ни герцоги, ни дочь короля Шотландии, не смогут освободить Французское королевство. Это сделаю я, ибо так желает Господь»³. Об уверенности Жанны

¹ Исключения представляют лишь показания Дюрана Лаксара и Катерины Ле Ройе: пророчество о Франции, погубленной женщиной, но спасенной девой, очевидно, было известно уже в Вокулёре. Но о нем, как отмечал О. Бузи, ничего не знали в Шиноне: *Bouzy O. Jeanne ange, prophétesse*. P. 18.

² PN, I, 305.

³ “Nullus enim in mundo, nec reges, nec duces, nec filia Regis Scotie, aut alii, possunt recuperare regnum Francie... Et hoc faciam, quia Dominus meus vult ut ita faciam” (PN, I, 290). Под «дочерью короля Шотландии» подразумевалась Маргарет

в Божественном характере своей миссии (*missa ex parte Dei, missa a Deo*) вспоминали позднее Робер де Гокур, Реньо Тьери, Гобер Тибо и Жан д'Олон¹, находившиеся весной 1429 г. в Шиноне и Пуатье. Однако именно твердая позиция девушки по данному вопросу и стала причиной, по которой мнения о ней при дворе разделились. По свидетельству президента Счетной палаты Симона Шарля, одни королевские советники полагали, что дофину обязательно следует увидеться с Жанной; другие же считали, что доверять столь подозрительной особе ни в коем случае нельзя. А потому, заключал Симон Шарль, решение о встрече Карла с девушкой было принято не без «трудностей» (*cum difficultate*)². Как мне представляется, данное обстоятельство объяснялось тем фактом, что в глазах многих придворных Жанна оказывалась не кем иным, как одним из *самопровозглашенных* пророков, а отношение к ним у французских теологов и светской знати в первой половине XV в. было весьма неоднозначным.

Сформировалось оно в первую очередь благодаря церковному собору в Констанце (1414–1418)³, одним из основных вопросов на повестке дня которого стала дискуссия о различении истинных и ложных пророков. Спор был вызван расследованием, предпринятым в отношении сразу трех известных проповедников: Джона Виклифа, Яна Гуса и Иеронима Пражского. И если Виклиф ко времени проведения собора уже умер, то оба чешских священника, прибывшие в Констанц, были арестованы, обвинены в распространении ереси и казнены⁴. Не менее важным оказалось и проведенное в рамках собора повторное рассмотрение результатов канонизации Бригитты Шведской, которая была признана святой в 1391 г.

Стюарт (1424–1445), дочь Якова I, просватанная за дофина Людовика (будущего Людовика XI), чьей супругой она стала в 1436 г.

¹ PN, I, 326, 330, 368, 475.

² PN, I, 400.

³ О Констанцком соборе см. прежде всего: *Valois N.* La France et le Grand Schisme d'Occident. P., 1896–1902. Т. 4; *Stump P.H.* The Reforms of the Council of Constance (1414–1418). Leiden, 1993; *Tanner N.* The Church in the Later Middle Ages. L.; N.Y., 2008.

⁴ Ibid. P. 19, 143–153.